

З Н А К И

С У Д Ь Б Ы

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ «Знаки судьбы»

Романы Натальи Калининой

Яблосевый сад для Белоспесжки
Малиновый запах надежды
Аромат кодовской свечи
Стекланный омут
Семь сокрытых дупл
Асдяшой поцелуй страха
Секрет черной книги

Цикл о колдунье Инге

Узор твоих снов
Девушка, придушая судьбу
Код фортуны
Побег из страны грез

Цикл о команде исследователей паранормальных явлений

Загадка старого альбома
Седьмой мост

«Испанский» цикл

Распахли врата полуночи
Зеркальный лабиринт
Проклятье музыканта

Романы Марины Ефимовой

Влюбленный призрак
Потеряшая душа

Романы Татьяны Форш

Цыганское проклятье
Призрачный бал
Тайна пиковой дамы
Черный котел
Обряд на падающую звезду
Ведьмин крест

Романы Александра Форш

Янтарный ангел

Александр
Форш

*Янтарный
ангел*

Москва
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ф80

Оформление серии *А. Фереза*

Иллюстрация на обложке *Е. Петровой*

Художественное оформление *Е. Анисимой*

Форш, Александр.

Ф80 Янтарный ангел / Александр Форш. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Знаки судьбы).

ISBN 978-5-699-95788-0

Это задание сразу показалось Евгению странным: у некой дамы похищены деньги и драгоценности, но найти она просит лишь фигурку ангела, вырезанную из янтаря. Какой же секрет скрывает неказистая на вид безделушка, если за ней ведется настоящая охота? Сыщик запутался, тем более что и сам неожиданно оказался вовлечен в непростое дело янтарного ангела.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95788-0

© Белов А., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Татьяне Форш с любовью.

Мечты сбываются!

*Автор также выражает
благодарность
Екатерине Неволной
за неоценимую помощь
в работе над текстом.*

ПРОЛОГ

Ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?

Евангелие от Матфея

Было у отца три сына...

Их осталось двое: он и брат. С раннего детства отец готовил их к тому, что выживет только один. Тот, кому суждено прервать цепочку смертей, снять проклятье.

Сразу после смерти среднего брата осознание собственной бесполезности легло на его хрупкие плечи. *Он* остался самым младшим, самым хилым, самым ничтожным.

Отец даже не пытался скрывать своего пренебрежения, всегда выделял того, другого, обещал передать ему знания и силу. А *он* оставался разменной монетой, пешкой, агнцем, возложенным на жертвенный камень. Иногда, засыпая, *он* представлял не свое будущее, как делали все нормальные люди, а собственную смерть.

Интересно, какой она будет?

Он умирал сотни и тысячи раз: горел в огне, падал с огромной высоты, однажды даже умер

от старости. Это была его любимая версия смерти, самая желанная, такая недостижимая.

Старший брат никогда не воспринимал *его* всерьез. Зачем любить щенка, который, ты точно знаешь, однажды исчезнет? Потенциальный покойник не заслуживает хорошего к себе отношения. Напрасная трата сил и времени.

Шли годы. Каждое утро для *него* было подобно оплеухе, полученной от жизни. *Он* просыпался, смотрел в потолок, думая: сегодня — точно. И снова перед глазами проходила киноплёнка с сотней и сотней вариантов, среди которых не было того, самого желанного. Бесчувственная рука монтажера вырезала главный кадр. Он был лишним и не вписывался в хронометраж.

Проходил день, выключался кинопроектор, плёнка заканчивалась и билась обрезанным хвостом о бобину. Еще один выторгованный у судьбы день.

Его кино всегда было черно-белым и немым. Фигуры двигались, размахивали руками, открывали рты. Все это действие перемежалось короткими вставками текста, который *он* даже не всегда успевал читать. Но каждый раз все повторялось, и очень скоро *он* выучил сценарий собственной жизни наизусть: утро, приносящее ожидание — вот-вот, еще немного; бессмысленный день в окружении черно-белых статистов; ночь, в которой нет даже снов, только гулкое забытие.

И когда в его безумном мире появилась рулетка, *он* даже не удивился. Вся его жизнь была такой же рулеткой, на которой *он* скакал точно стальной шарик, не зная, в какую ячейку упадет.

До сих пор ему везло, *он* всякий раз оказывался на «зеро», обнуляя запущенный счетчик.

Однажды *он* очнулся на больничной койке: избитый, перебинтованный, похожий на припорошенную снегом мумию. Это был вариант смерти номер семнадцать, не самый изящный и один из наиболее болезненных. Да, каждой нафантазированной смерти *он* давал номера, а за тридцать четыре года жизни запомнил каждый, мог без запинки перечислить их все.

Когда-то давно *он* решил, что принесет себя в жертву ради спасения семьи. Если тот, другой брат смог, значит, сможет и *он*.

Нужно было лишь дождаться, какая цифра выпадет на его рулетке, когда случится миновать «зеро».

Наши дни

ЕВГЕНИЙ

Евгений Краснов не знал, чем себя занять. Несколько раз он выглядывал в приемную, где из-за монитора торчала макушка его секретарши с рыжим ежиком волос. Слыша звук шагов босса, девушка поднимала от клавиатуры по-совиному круглые глаза и виновато пожимала плечиками, мол, пока никто не приходил и не звонил.

В такие моменты он ненавидел себя, считал неудачником, который пошел не тем путем. Сразу же вспоминались слова матери о том, что он совершенно не умеет вести бизнес, а тем более такой шаткий, как частный сыск.

— Что это вообще за профессия? — возмущалась женщина всякий раз, когда заходила речь о выборе сына. — Я бы поняла, если бы мы жили в веке девятнадцатом. Но ведь сегодня существует полиция, которая и занимается всеми этими расследованиями, погонями и слежками.

— Дорогая, — пытался встать на сторону сына папа, — в девятнадцатом веке тоже существовала полиция, и она исполняла те же самые функции, что и сегодня. Сыщики же используют другие методы в своей работе. Иногда не совсем законные.

— Витюша, ты так легко говоришь о том, что твой сын нарушает закон, и не видишь в этом ничего страшного?

— Нет, Галочка, я не вижу ничего страшного... Точнее, вижу, но не считаю таким ужасным. Галочка, скажи, что я должен ответить, и я соглашусь с тобой. — Папа сдавался, и тема постепенно сходилась на нет.

Почему никто не понимает, что он сделал свой выбор и выбор этот непоколебим. Ему уже тридцать два года, и уж что-что, а принимать решения он может сам.

На сегодня была назначена очередная головоломка, сиречь семейный ужин.

Мысль о том, как бы избежать посиделок, заняла его еще на какое-то время, но, перебрав все возможные варианты, тщательно проанализировав их и отклонив как несостоятельные, Евгений понял, что выхода у него нет. Если сказать больным, мама незамедлительно вызовет «Скорую» и сама примчится к нему с мешком медикаментов. Сядет возле его постели — в которую сама же его и загонит, — начнет причитать и охать о том, что родила такого сла-

бенького ребенка. Надаёт советов и умчится, словно ураган, оставив сына совершенно разбитым и опустошенным. Придумать свидание с девушкой? Будет еще хуже. Уже несколько лет у мамы, которая вообще любила совать нос в жизнь сына, было маниакальное стремление «увидеть внуков». И все надежды в этом плане возлагались именно на Евгения, потому что сестра Катерина еще слишком мала. Девятнадцать лет по меркам мамы просто детский возраст.

Нет, уж лучше он перетерпит пару часов, зато потом будет свободен на целый месяц, до следующего рецидива родительской опеки.

Возможно, он эгоист и думает только о себе, но изменить себя Евгений не мог и не хотел. Одиночество всегда нравилось Краснову больше, нежели уютные вечера в кругу семьи. Его никогда не привлекали шумные уличные игры со сверстниками, в школе его считали изгоем, в институте просто ботаником и занудой. Он вообще тяжело сходилась с людьми. Не потому, что считал себя лучше или, наоборот, хуже других. Просто он был таким.

Это не доставляло молодому человеку никакого дискомфорта.

Если бы не мама.

Она принялась сама знакомить Евгения сначала с мальчишками во дворе, чем вызывала только насмешки с их стороны и желание

со стороны самого Евгения спрятаться в свою раковину подальше ото всех. Потом наступила юность, и в дом одна за другой зачастили кандидатки на руку и сердце жениха. Евгения усаживали за стол в отглаженной рубашке с душащим галстуком и заставляли улыбаться. Это была настоящая пытка.

Когда из длинной вереницы «невест» ни одна не задела душевных струн «мальчика», мама всерьез испугалась за его предпочтения.

Проблема, как это часто бывает, разрешилась сама собой. Евгений неожиданно влюбился в рыжеволосую большеглазую Светлану. Их короткий роман ярко вспыхнул и стремительно угас.

Не было скандалов и взаимных упреков. Любовь плавно перетекла в нежную дружбу, а затем и в деловые отношения.

И только одна мысль не давала Евгению покоя: мама делает это не для него, а для себя. Она точно воплощала в жизнь рекомендации из учебника «Как стать хорошими родителями». Все ее действия носили механический характер, в них не было души. Его догадки подтвердились, как только молодой человек переступил порог совершеннолетия. Мать будто выдохнула и наконец, оставив его в покое, переключилась на сестру.

— Жень, к тебе посетитель. — Голос Светланы вывел Евгения из задумчивости. — Дама вро-

де при деньгах, но странная какая-то. Сказала, что изложит свою проблему тебе лично, анкету заполнять отказалась. Звать?

— Зови.

Краснов сразу понял, что имела в виду Света, когда назвала потенциальную клиентку странной. Несмотря на духоту, женщина была одета в строгое черное платье с глухим воротом, точно выдерживала траур. На голове ее была маленькая круглая шляпка, лицо скрывала дымка черной вуали. Она не вошла, а внесла себя, цокая довольно высокими каблуками, на которых держалась безупречно. Натянутая струной спина, руки в тонких перчатках, идеальная укладка иссиня-черных волос с широкой серебристой полоской, небрежным штрихом улетающая от правого виска к затылку. Настоящая вдовствующая императрица. Наверняка над внешностью посетительницы поработали стилисты.

Если бы Евгений был чуть более чутким, то непременно бы вышел из-за стола и поцеловал даме ручку. И кажется, что она ждала этого. Но сыщик лишь поздоровался и указал на стул. Даже не поднялся с места, когда она присаживалась.

Имя у клиентки было соответствующим. Елизавета Петровна.

Несколько бесконечных секунд женщина рассматривала кабинет Евгения, будто до сих

пор решала, стоит ли ей иметь дело с этим детективом. И, оставшись удовлетворенной своей короткой ревизией, заговорила:

— Я хочу обратиться к вам с очень деликатной проблемой. — Голос у дамы был довольно приятным: низкий, с едва заметной хрипотцой, но не прокуренный. Говорила она немного грустя, что дополняло ее образ высокогородной особы. — Однако у меня будет просьба, которую вы обязаны исполнить, иначе сотрудничество невозможно.

Выгнать ее сразу Краснов не мог, все же существовали рамки приличия. Но и то, что работать с данной особой не захочет уже он, было совершенно очевидно.

— Я весь внимание.

Дама на мгновение запнулась, но быстро взяла себя в руки и продолжила:

— Так вот, молодой человек, я готова прибегнуть к вашим услугам с одной оговоркой. Пустяк, но для меня он важен.

Евгений стремительно терял терпение, но пока держался. Перед ним сидела типичная престарелая стерва, живущая за счет богатенького мужа или детей. Иметь дело с такими экземплярами в принципе можно, тем более что в последнее время дела у него шли не очень и деньги за заказ будут нелишними. Вот только все как-то наложилось одно на другое: ужин с мамой и безграничное высокомерие потенциальной клиентки. Настроение было испорчено.